DOI: 10.31860/978-5-918680-384-22-29

П. Р. Заборов

АКАДЕМИК А. Н. ВЕСЕЛОВСКИЙ И ЕГО СИЯТЕЛЬНЫЙ УЧЕНИК

Аннотация: В основе сообщения — комплекс писем графа Андрея Александровича Бобринского (1859—1930) к его университетскому учителю, а затем коллеге, академику Александру Николаевичу Веселовскому. В использованных и цитируемых письмах получили отражение научная деятельность А. А. Бобринского и его активное участие в жизни Неофилологического общества, председателем которого являлся А. Н. Веселовский.

Ключевые слова: история французской литературы, Гадальная книга, Неофилологическое общество.

Abstract: The report is based on a corpus of letters addressed by count Andrey Alexandrovich Bobrinsky (1859—1930) to his University professor and later colleague Alexandr Nickolaevich Veselovsky. The letters that are being used and cited here reflect Bobrinsky's academic interests and his active engagement with the Neophilological Society headed by Veselovsky.

Keywords: a History of French literature, Divination book, Neophilological society.

Тридцатилетняя профессорская деятельность Александра Николаевича Веселовского (1838—1906), возглавлявшего кафедру всеобщей литературы, а затем романо-германской филологии на Историко-филологическом факультете Петербургского университета, — одна из блестящих страниц в истории этого высшего учебного заведения. Воспитанная им плеяда талантливых и высокообразованных филологов оставила глубокий след в культурной жизни страны, в преподавании у нас западноевропейских языков и литератур, в создании отечественной школы художественного перевода.

Имена учеников Веселовского, внесших особенно ценный вклад в нашу филологическую науку, хорошо известны: это Ф. А. Браун, Ф. Д. Батюшков, Д. К. Петров, Е. В. Аничков, В. Ф. Шишмарев и ряд других. Однако через «школу Веселовского» прошли также люди, успешно проявившие себя — полностью или частично — на других поприщах. К ним принадлежал, например, граф Андрей Александрович Бобринский (1859—1930).

 © Заборов П. Р., 2023

Прямой потомок Алексея Григорьевича Бобринского (внебрачного сына Екатерины II), возведенного в графское достоинство Павлом I, представитель знатного и притом очень богатого семейства, он прошел весь курс обучения в Петербургском университете, и поскольку интересовался только или, во всяком случае, по преимуществу историей французской литературы XIV—XV вв., продвигался он по этому нелегкому пути под руководством Веселовского, которому, скорее всего, был обязан выбором специальности вообще.

Как складывались их отношения в бытность Бобринского студентом (1877—1881), неизвестно, хотя можно предположить, что Веселовский и тогда уже обратил на него внимание — и не столько потому, что его учеником оказался титулованный аристократ (что для Веселовского было, надо полагать, не так уж важно), сколько ввиду его интеллектуальных и человеческих достоинств. О характере же их общения в дальнейшем мы можем говорить с большей уверенностью, ибо в архиве ученого сохранилось 15 писем к нему его сиятельного ученика, относящихся к 1881—1890 гг.

Переписка их началась осенью 1881 г., когда Бобринский уже трудился над своей кандидатской диссертацией. Из письма от 11 (23) нояб. 1881 г. мы узнаем, что, приступая к работе, он не рассчитывал выполнить ее и подать к назначенному сроку (1 декабря), заранее предупредил об этом Веселовского и получил его согласие. Однако продления срока не потребовалось, и Бобринский, находившийся тогда во Флоренции, сообщил Веселовскому о скором окончании диссертации, а также о ее теме, следовательно, выбранной им вполне самостоятельно, хотя направление его разысканий было ему все же подсказано Веселовским. Посвящена она была Антуану де Ласалю, французскому прозаику первой половины XV века. «Я убежден, что в моей работе найдется много пробелов: это происходит оттого, что, будучи принужден заниматься ею во Флоренции, я не мог иметь под рукою все те источники и пособия, при пользовании которыми эти пропуски, вероятно бы, не оказались. Однако в здешних библиотеках я нашел самые важные для моей темы сочинения, и это дает мне повод надеяться, что в разбираемых мною вопросах эти пробелы не слишком значительны», — писал Бобринский и добавлял, как бы извиняясь: «К сожалению, мне невозможно было представить описание любопытной рукописи “Quinze joies de marriage”, хранящейся в петербургской Публичной библиотеке и на которую Вы мне указали прошлою зимою».[1]

Под несомненным влиянием Веселовского заинтересовался Бобринский французской гадальной книгой XV века, к изучению которой для последующей ее публикации он обратился после окончания университета. Во всяком случае, именно Веселовский указал ему на единственную известную рукопись этого своеобразного литературного

[1] РО ИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 147, л. 1—2.

памятника, попавшую в Публичную библиотеку благодаря П. П. Дубровскому, который включил ее в свой «музей» под названием «Jeu d'amour» («Любовная игра»). Веселовский отвечал на различные вопросы Бобринского; более того, он, наряду со своим учеником и университетским приятелем Бобринского, а впоследствии видным ученым — филологом, педагогом и литератором, Ф. Д. Батюшковым, принял участие в подготовке рукописи к печати и затем к правке корректур, поскольку Бобринский в Петербурге довольно долго отсутствовал, находясь в своем украинском имении Смела, а затем — в любимой им Ницце.

Так, в письме от 27 нояб. 1885 г. из Смелы он сердечно благодарил Веселовского за интерес к его работе и соглашался с предложенными «изменениями в тексте и словаре», причем просил в дальнейшем исправлять замеченные погрешности без его разрешения и не посылать ему еще раз корректур,[2] а 2 (14) янв. 1886 г., уже из Ниццы, благодарил «за проверку текста», на сей раз, по-видимому, окончательную. «Надеюсь только, что она не отняла у Вас слишком много времени. Без сомнения, Вы нашли в тексте некоторые неточности, которые без такого пересмотра вошли бы в мою книгу», добавлял он, а со своей стороны, поскольку по пути в Россию собирался остановиться на несколько дней в Париже, предлагал выполнить какие-нибудь просьбы Веселовского, например, по части приобретения нужных ему книг (что он делал и позднее).[3]

Процесс издания этого старинного текста оказался не таким уж простым. Печатание ученого труда, к тому же принадлежавшего перу столь высокопоставленного автора, было остановлено Цензурным комитетом ввиду «непристойности» двух строф этой гадальной книги, не случайно озаглавленной Дубровским и вслед за ним Бобринским «Jeu d'amour». Правда, Бобринский ввел в заголовок необходимое разъяснение: «Французская гадальная книга XV века», но это цензоров не удовлетворило, так что требовалась чья-то помощь. Раздражению Бобринского не было предела, но участвовать в преодолении этих неожиданно возникших трудностей он не мог, поскольку проживал в это время в Смеле. Надежда была на Веселовского, к которому он и обратился 7 марта 1885 г.: «Многоуважаемый Александр Николаевич, типография Балашева, в которую я отдал "Jeu d'amour", меня извещает, что Цензурный Комитет воспретил печатание этого произведения. Оказывается, что господа цензоры знают древне-французский язык и нашли в моем памятнике какой-то потаенный смысл, от меня ускользнувший и свидетельствующий о "неблагонамеренности" его автора», — писал Бобринский и далее приводил два вполне невинных стиха из 20-й и один из 153-й строф.

---

[2] РО ИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 147, л. 7—8.

[3] Там же, л. 9—10.

«Следовало бы теперь предать сожжению самую рукопись? — продолжал он. — Во всяком случае, мне остается сделать одно из двух: или вычеркнуть из текста те строфы, которые способны оскорбить их чутье, или же печатать за границей в будущем? Быть может, Вы найдете возможным заступиться за “Jeu d’amour”? Ваше слово и Ваш авторитет в данном случае должны много значить? Впрочем, я ставлю эти вопросы наудачу, мне совсем не известно, может ли быть изменен раз произнесенный Цензурным Комитетом приговор? И от кого это зависит?»[4]

Пришлось ли Веселовскому к кому-то обращаться или дело устроилось без его вмешательства, неясно, но вскоре разрешение было получено, и 31 марта 1885 г. Бобринский поспешил сообщить об этом Веселовскому, поблагодарив за помощь, хотя и не зная точно, кому он этим обязан.[5] Между тем, во вступлении к книге он принес ему благодарность «за полезные указания», не уточнив, в чем они, собственно, состояли.[6]

Начиналось же это вступление характеристикой памятника, о котором было известно лишь специалистам. «Французская Гадальная книга, которую мы ныне издаем по рукописи, хранящейся в Санкт-Петербургской Публичной библиотеке (Fr. Q. XIV.5), — писал Бобринский — содержит двести тридцать два кратких стихотворения. Во главе каждой строфы начертаны игральные кости в том виде, как они изображены в издаваемом тексте. Из содержания некоторых строф видно, что для гаданий собиралось целое общество. Каждый поочередно бросал на стол кости, две или три вместе, и прочитывал строфу, соответствующую данному сочетанию полученных очков. Характер строф преимущественно любовный».[7] Надо добавить, что строфы состояли из четырех или шести стихов каждая, и, поскольку в игре участвовали и мужчины, и женщины, многие стихотворения адресовались одновременно и тем, и другим.

Далее следовали описание рукописи, сведения о ее возможном происхождении из северо-восточной Франции, словарь, необходимый ввиду обилия в рукописи диалектальных элементов, вышедших из употребления и изменивших значение слов, а также пространное приложение «Об игральных костях в Древнем мире и в Средние века». Завершало книжку факсимиле 9-го листа рукописи, позволявшее лучше понять смысл и назначение этой старинной игры.

Естественно, что такой ученый труд мог заинтересовать немногих, и, стремясь привлечь к нему внимание и поддержать молодого авто-

---

[4] Там же, л. 4—5.

[5] Там же, л. 6.

[6] Jeu d’amour: французская гадальная книга XV века / издал по рукописи Императорской С.-Петербургской Публичной библиотеки граф А. Бобринский. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1886. С. X.

[7] Там же. С. V—VI.

ра, Веселовский, фактически руководивший работой, решил сообщить о ней и дать ей оценку в печати, и не на страницах ведомственного журнала, а в широко распространенном и читаемом «Вестнике Европы». При этом небольшая рецензия превратилась у него в содержательную статью, не случайно озаглавленную «Гадательные книги на Западе и у нас», статью, в которой его колоссальная эрудиция и склонность к обобщениям проявились в полной мере. Признав, что труд Бобринского «обогащает наши сведения не столько по литературной, сколько по бытовой истории старой Франции», он кратко наметил эволюцию этого жанра: «Бытовая сторона лежит в древнем обычае гадания, удержавшемся по традиции до позднего времени, но изменившем свой первоначально обрядовый, серьезный характер в применении к новым общественным отношениям: обряд, таинственный спрос судьбы, обратился в jeu de société» (т. е. светское развлечение). А затем проиллюстрировал это положение на примерах, почерпнутых в истории бытования этого явления на Руси и в Италии эпохи Возрождения. Примечателен заключительный пассаж этой рецензии, в котором Веселовский сформулировал свою любимую мысль о важности изучения западной культуры для понимания русской: «Подобные труды в области западных литератур не отвлекают русские научные силы от изучения родной старины, а приготовляют к ее более зрелому пониманию, и в этом смысле всегда желательны».[8]

Сходным образом отозвался об этой книжке Ф. Д. Батюшков, посвятивший ей обширный критический очерк в «Журнале Министерства народного просвещения», где утверждал, «что издание гр. Бобринского и с внешней стороны, и по тщательности и умелости, с которой оно выполнено, заслуживает внимания и может быть причислено к числу хороших критических изданий»; самый памятник же он находил интересным «по языку и по стилю, по бытовым аллюзиям и народным поговоркам, в него внесенным».[9]

Откликнулся на это событие и другой ученик Веселовского, недавно выпущенный из университета, Е. М. Гаршин, будущий видный литератор и педагог: «В общем, — заключал он свою краткую рецензию, помещенную в “Историческом вестнике”, — небольшая книга графа А. Бобринского представляет значительный вклад в нашу научную литературу, не лишена общего интереса, но особенное значение имеет для западных исследователей, которым дает в руки любопытный памятник, бывший до сих пор малодоступным даже для самых выдающихся в Европе знатоков старо-французской литературы».[10]

Что же касается Бобринского, то он продолжил свои разыскания в избранной им области и в июле 1887 г. опубликовал в «Журнале

[8] Вестник Европы. 1886. Т. 2, № 4. С. 895—898.

[9] Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 244, апр. Отд. II. С. 426—437.

[10] Исторический вестник. 1886. Т. 24, апр. С. 238—239.

Министерства народного просвещения» большую статью «Роман о Фовеле», которая свидетельствовала о его свободной ориентации во французской средневековой литературе и умении работать с рукописями (статья явилась итогом изучения им восьми списков из парижской Национальной и одного из петербургской Публичной библиотек), а также — что, впрочем, было обязательно для учеников Веселовского — о хорошем знании им старофранцузского языка.[11]

Одновременно Бобринский совместно с Батюшковым занялся анализом неизданной лицевой рукописи, хранившейся в парижской Национальной библиотеке, по своему содержанию близкой к роману о Фовеле. Однако статья их на сей раз увидела свет не в министерском журнале, а в первом выпуске «Записок Романо-германского отделения Филологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете», вышедшем весной 1888 г.[12] Общество это (позднее переименованное в Неофилологическое) было основано по инициативе Веселовского, который его фактически возглавлял до конца жизни, но деятельного участия в его организации Бобринского не следует преуменьшать. Особенно существенна его роль в издании «Записок», поскольку министерство, несмотря на все старания Веселовского, отказалось его субсидировать, и Бобринский буквально спас его, заплатив необходимую сумму.

Подробности этой истории мы узнаем из письма к Веселовскому от 18 марта 1888 г. «Многоуважаемый Александр Николаевич, — писал Бобринский, — вчера вечером я заходил к Вам, чтобы переговорить о нашем предстоящем хождении по министрам, но, к сожалению, не застал Вас дома. Собственно, я желал Вас видеть, чтобы разубедить Вас в необходимости подобного хождения, не только в необходимости, но и в благопристойности; я стою за “честь” отделения и, обдумав, нахожу, что просить подаяния нам не подобает, тем более что сам далеко не убежден в обязанности Правительства нам, романо-германистам, помогать. Наше общество вообще имеет лишь одну raison d’être, самостоятельно удовлетворять известным потребностям, научным задачам космополитического характера, что своего рода роскошь, которая должна оплачиваться собственными средствами, а издание “Записок” — пробный камень, который докажет живучесть общества, просить для “Записок” субсидий все равно что заранее предрешать этот вопрос в отрицательном смысле, а это обидно. А потому предлагаю следующее: счет типографии Балашева заплачен <...> со временем, если касса пополнится, секретарь мне вернет эти деньги; во всяком случае, если угодно, эти 140 рублей могут считаться долгом,

[11] Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Ч. 252, июль. Отд. I. С. 30—48.

[12] Записки Романо-германского отделения Филологического общества при Императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1888. Кн. 1. С. 89—117.

подлежащим уплате в течение 14 лет, по 10 р. в год?»[13] При этом он не претендовал ни на какую публично выраженную благодарность и вообще предлагал, если такое решение будет принято, сохранить его в тайне.

В последующие годы Бобринский исправно посещал заседания общества и время от времени заменял Батюшкова, выполняя обязанности секретаря, т. е. вел переговоры с докладчиками, согласовывал с Веселовским темы выступлений, рассылал повестки и т. п.[14] Но связь его с Веселовским по какой-то причине ослабевала и почти сошла на нет.

Некоторое охлаждение, которое произошло в контактах Бобринского с Веселовским, ученика с учителем, не означало, однако, спада активности графа, который и в молодые годы сочетал филологические штудии с сочинением музыки, а кроме того, был избран предводителем дворянства как владелец Смелы. Теперь он все больше уходил в государственную и промышленную деятельность, занимал различные должности в Государственном совете и в течение многих лет возглавлял Всероссийское общество сахарозаводчиков. Весьма выразительна характеристика его в книге П. А. Бурышкина «Москва купеческая»: «Это был человек тонкой и глубокой культуры, редкой внутренней чистоты и светлости, подлинный старый русский барин в лучшем смысле» — и добавлял: «Мало кто пользовался таким единодушным уважением» (С. 271). Не забудем и о его придворном звании — камергера, предполагавшего выполнение каких-то, пусть и ритуальных, обязанностей.

После революции граф Андрей Александрович Бобринский покинул Россию и, подобно многим своим столь же достойным и незаурядным соотечественникам, обосновался во Франции, где и скончался.

Библиографический список

1. Jeu d'amour: французская гадальная книга XV века / издал по рукописи Императорской С.-Петербургской публичной библиотеки граф А. Бобринский. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1886.
2. *Батюшков Ф. Д.* Французская гадальная книга // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 244, апр. Отд. II.
3. *Бобринский А.* Лицевая история Fauve: неизданный памятник французской литературы XIV века // Записки Романо-германского отделения Филологического общества при Императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1888. Кн. 1.
4. *Бобринский А.* Роман о Фовеле // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Ч. 252, июль. Отд. I.
5. *Бурышкин П. А.* Москва купеческая. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016.

[13] РО ИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 147, л. 23—24.
[14] Там же, л. 14—16.

6. *Веселовский А. Н.* Гадательные книги на Западе и у нас // Вестник Европы. 1886. Т. 2, № 4.
7. *Е. Г.* [*Гаршин Е. М.*]. Jeu d'amour. Французская гадальная книга XV века. Издал по рукописи Императорской С.-Петербургской публичной библиотеки граф А. Бобринский. СПб., 1886 // Исторический вестник. 1886. Т. 24, апр.